

УДК 94(57)"17/20"
ББК 63.3(54)5
Х17

Переводчик Анна Попова
Научный редактор Артем Космарский, канд. соц. наук
Редактор Лев Данилкин

Халид А.

X17 Центральная Азия: От века империй до наших дней / Адиб Халид ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 560 с.

ISBN 978-5-00139-653-6

Центральная Азия до сих пор нередко воспринимается как отдаленная территория, находящаяся на периферии современной истории. Но на деле этот регион, в котором расположены Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Казахстан, а также китайская провинция Синьцзян, стоит на перекрестке мировых событий. Адиб Халид представляет первую всеобъемлющую историю Центральной Азии с середины XVIII века до наших дней. После 1700-х годов народы региона попали под власть России и Китая. Американский ученый-историк пакистанского происхождения Халид показывает, как иностранное завоевание вовлекло жителей Центральной Азии в глобальный обмен товарами и идеями и привело к установлению более тесных связей с остальным миром. В фокусе его исследования и то, как империи-завоевательницы, а потом коммунистические государства СССР и КНР справлялись с этнической неоднородностью региона, с присущими ему национальными и культурными различиями, а также то, как исторические силы и тренды, от колониализма и социальных революций до национализма и государственной политики модернизации, сформировали современный облик Центральной Азии.

УДК 94(57)"17/20"
ББК 63.3(54)5

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-653-6 (рус.)
ISBN 978-0-8021-4931-2 (англ.)

© Princeton University Press, 2021
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сокращения	7
Введение.....	9

Глава 1. Многообразие традиций Центральной Азии	25
---	----

Империя

Глава 2. Маньчжурское завоевание Восточного Туркестана	47
Глава 3. Коканд и цинское серебро	58
Глава 4. Казахский этнограф в Кашгаре	69
Глава 5. Имперские завоевания	81
Глава 6. Колониальный порядок	101
Глава 7. Новое видение мира.....	119
Глава 8. Крах империй	139

Революция

Глава 9. Надежда и разочарование	155
Глава 10. На пороге Востока.....	171
Глава 11. Советская Центральная Азия	189
Глава 12. Автономия по-советски	203

Глава 13. Революция сверху.....	219
Глава 14. Республика в Восточном Туркестане	246
Глава 15. Горнило войны.....	268
Глава 16. Еще одна республика в Восточном Туркестане	283

Коммунизм

Глава 17. Развитие по-советски.....	307
Глава 18. Советская по форме, национальная по содержанию?	334
Глава 19. Синьцзян при китайском коммунизме.....	360
Глава 20. На фронтах холодной войны.....	381

Посткоммунизм

Глава 21. Нежеланная независимость.....	401
Глава 22. Новая Центральная Азия.....	422
Глава 23. Национализирующиеся государства в глобализованном мире	437
Глава 24. Прошла ли постсоветская эпоха?	462
Глава 25. ГУЛАГ XXI века.....	480
Закключение	503
Благодарности.....	509
Литература для дальнейшего чтения	511
Примечания	523

СОКРАЩЕНИЯ

ВТР — Восточно-Туркестанская республика

ГМД — Гоминьдан (Китайская национальная партия)

КГБ — Комитет государственной безопасности СССР

КНР — Китайская Народная Республика

КПК — Коммунистическая партия Китая

НДПА — Народно-демократическая партия Афганистана

НКОТ — Национальный комитет объединения Туркестана

НОАК — Народно-освободительная армия Китая

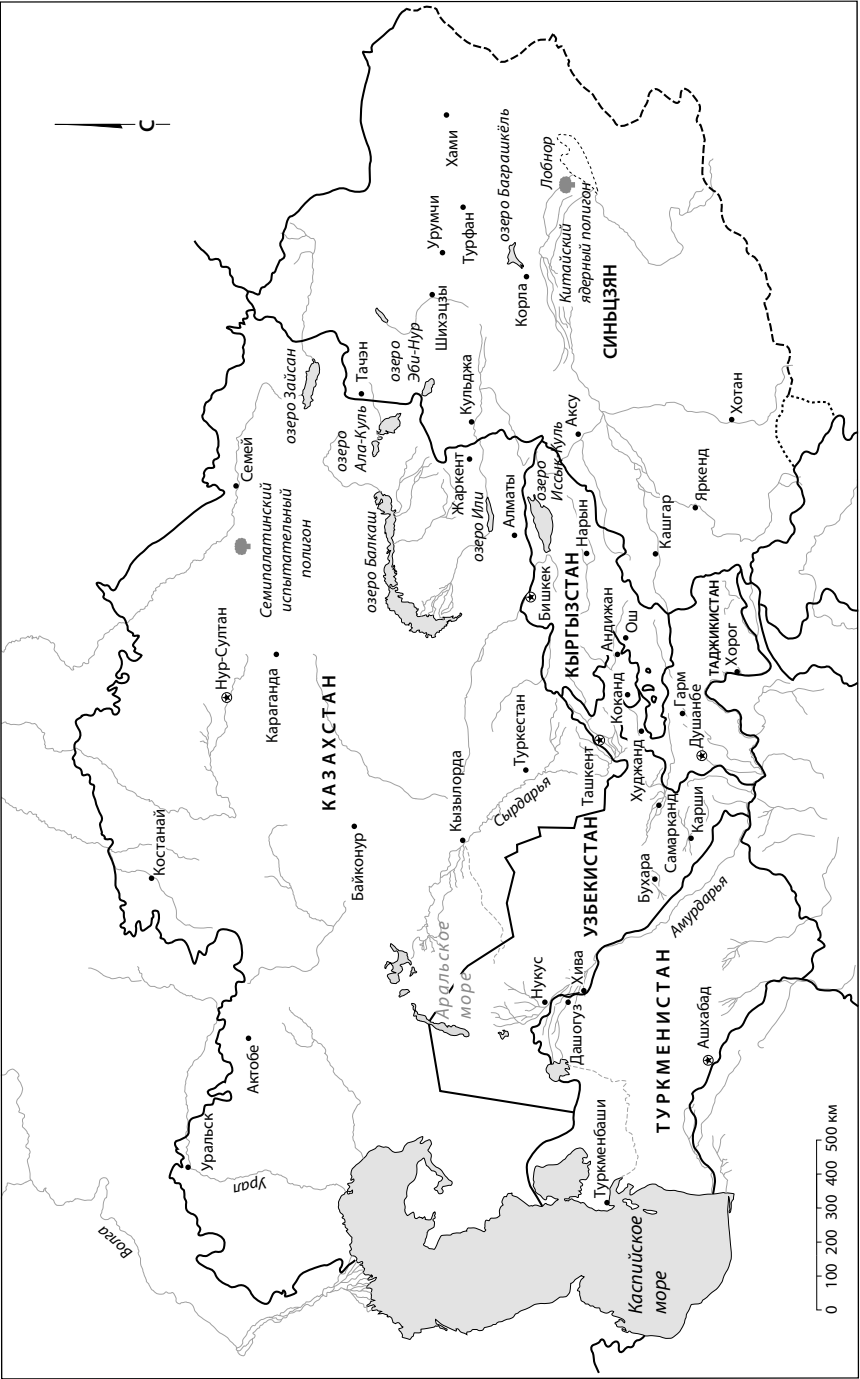
НПО — неправительственная организация

САДУМ — Духовное управление мусульман Центральной Азии
и Казахстана

СПСК — Синьцзянский производственно-строительный корпус

ЮНЕСКО — специализированное учреждение Организации

Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Карта 0.1. Центральная Азия сегодня

ВВЕДЕНИЕ

Когда при распаде Советского Союза республики Центральной Азии вышли на мировую арену, внешний мир с этим регионом был практически не знаком. Его сложная современная история разворачивалась вдали от чужих глаз, о том, что там происходило, мало кто слышал, а источники информации скрывались за семью печатями. В мире было мало специалистов по этому региону, а сторонние наблюдатели с трудом находили способы разобраться в этой теме. Первоначально новые государства показались внешнему миру искусственными, слабыми, лишенными какой бы то ни было истории или легитимности и — в перспективе — шаткими и нестабильными. Пытаясь осмыслить непонятные им текущие события, политические комментаторы ссылались на прошлое: чтобы понять, что за государства там появились, использовались клишированные представления о Великом шелковом пути и Большой игре; самым же простым инструментом оказалась экзотизация. Заметки о Центральной Азии рисовали в воображении картинку с бескрайними холмистыми пастбищами, по которым на лошадях скачут кочевники, со средневековыми минаретами и куполами и с местными жителями, облаченными в национальные костюмы. По правде сказать, подобный феномен экзотизации характерен не только для Запада. Японский документальный фильм 1980-х годов тоже представлял этот регион в экзотическом свете, и в нем были неспешные эпизоды с верблюдами, бредущими по пустыням под музыку Китаро в стиле нью-эйдж. Сегодня Синьцзян — экзотическое направление внутреннего туризма для самих китайцев, а для мусульманского мира в широком смысле названия Самарканд и Бухара полны ассоциаций со средневековым величием и роскошью, опять же, никак не связанных с современностью. В лучшем случае такого рода представления романтизируют Центральную Азию и лишают ее исторического измерения. В худшем случае превращают этот регион

в чистый лист, на котором кто угодно может написать все, что ему заблагорассудится. В Центральной Азии снимали несколько голливудских боевиков, в которых фигурировали довольно сомнительные персонажи, а в 2006 году — фильм «Борат», где британский комик Саша Барон Коэн исполняет роль вымышленного авторами казахского репортера, отправившегося в Соединенные Штаты, чтобы продемонстрировать наивность и легковерие жителей западного мира. Однако Казахстан, представленный в фильме, не имеет ничего общего с реальной страной. Сцены, где действие якобы разворачивается в Казахстане, вообще снимались в Румынии, да и в целом фильм создает не имеющий никакого отношения к действительности образ страны. Для Коэна Казахстан в фильме — просто воплощение экзотики, чего-то непостижимого, инакового.

Не исключено, что в какой-то степени это было неизбежно. На протяжении большей части периода Нового времени Центральная Азия была скрыта от внешнего мира. Территорию Евразии весь XIX век делили между собой две соседние империи — Россия и Китай. На политической карте мира Россия и Китай выглядели цельными объектами. Их легко было представлять как нечто однородное, а не как разнородные имперские территории, каковыми они, по сути, являлись. Ровно так все это и воспринималось. На протяжении почти всей истории Советского Союза для внешнего мира все его территории были Россией. Когда я впервые отправился в Вашингтон, я удивился, увидев в метро указатель с надписью «Русское [или российское] посольство». Шел 1984 год, и холодная война становилась все напряженнее, а американские институты — не говоря уже об американской общественности — даже не отличали Россию от Советского Союза и не обращали внимания на многонациональный характер своего главного противника. Что до Синьцзяна, то он был, пожалуй, еще более невидимым и считался некоей полузагадочной (и экзотической) частью страны, именуемой Китаем. При этом и в самих-то этих неблизких империях Центральная Азия располагалась где-то на задворках, о которых мало что было известно даже тем, кто специализировался на изучении одной из них или сразу обеих. При царе Центральная Азия рассматривалась как чувствительный в военном отношении регион, и поездки туда иностранных подданных ограничивались. Советская власть была еще сильнее одержима секретностью, так что на протяжении большей части истории СССР Центральная Азия оказалась и вовсе недоступной для посторонних. Я вырос в Пакистане, который от Центральной Азии отделяет Памир. Ташкент, в то время

крупнейший город региона, находился всего в 1200 км от моего родного города Лахора, но с таким же успехом он мог бы существовать на другой планете. Добраться туда было трудно, а новостей о том, что там происходит, было мало. Именно это чувство изумления по отношению к краю, такому близкому и в то же время такому далекому, столь знакомому и при этом совсем другому, легло в основу моего интереса к Центральной Азии. С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза ситуация изменилась. Центральная Азия уже не была в изоляции. Теперь это ключевое место для инициативы «Один пояс — один путь» — амбициозного плана Китая по преобразованию транспортной и торговой инфраструктуры Евразии. Тем не менее представление об этом регионе как о некоем далеком сердце Азии по-прежнему сохраняется. В глазах широкой общественности, как и в политических кругах, он остается малоизвестной территорией, лежащей за тридевять земель, изолированной от остального мира или угодившей в какую-то временную петлю. Это объясняет постоянные упоминания Великого шелкового пути, усиливающие ощущение того, что главное в этом регионе — его далекое и экзотическое прошлое и что, соответственно, его недавнее прошлое и настоящее гораздо менее важны или интересны.

Все это очень далеко от правды. Центральная Азия вовсе не то место, где время остановилось и вообще не играет никакой роли, — она была и остается перекрестком истории. Центральная Азия пережила все катаклизмы современной истории, все достижения современности и все ее катастрофы, все эксцессы XX и XXI столетий. Завоевания царской Россией и империей Цин ознаменовали перелом в истории региона, к которому необходимо отнестись с должной серьезностью. С тех пор Центральная Азия пережила колониальное правление, множество революционных проектов национального и культурного строительства, а также попыток реформирования экономики и общества при коммунизме и в последнее время — неолиберальную глобализацию. На протяжении почти всего XX века Центральная Азия служила лабораторией современности* и демонстрировала советскую модель развития.

* Или modernity (иногда на русском так и пишется — модерни́ти) — понятие, примерно близкое Новому и Новейшему времени в русскоязычной историографии, однако скорее концептуальное, чем хронологическое. Предполагается, что современность привнесла радикальные сдвиги в социальную, политическую, экономическую и культурную организацию общества сначала на Западе, потом

Происходившие события коренным образом меняли регион и его население. Природные ресурсы региона стали использоваться в промышленности; обширные территории связали в единую сеть автомобильными и железными дорогами и аэропортами; города подверглись реконструкции; степи под плугом превратились в поля. Мировоззрение населяющих регион народов, их представления о себе, своем обществе и государстве претерпели огромные изменения. Идея нации существенно изменила представление об обществе. На протяжении современного периода истории произошли и серьезные демографические сдвиги. Численность населения выросла во много раз, в регионе наблюдался приток населения в результате миграций, депортаций или расселения, финансируемого государством. Наиболее очевидный пример такого расселения — большое количество русских и ханьцев, живущих сейчас в Центральной Азии, но в современный период здесь появилось и множество других этнических групп — немцев, поляков, ашкеназов, татар, хуэй-цзу (или дунган), корейцев и чеченцев. Двадцатый век ознаменовался распространением грамотности, а также серьезными изменениями в положении женщин в обществе. Одновременно здесь значительно ухудшилась экологическая ситуация. И Советский Союз, и Китайская Народная Республика (КНР) разместили в Центральной Азии свои ядерные полигоны. Обе страны проводили испытания под открытым небом, и это обернулось долгосрочными последствиями для населения. Чрезмерное использование ирригационных систем в советской части Центральной Азии и вовсе привело к экологической катастрофе. Аральское море, некогда четвертое по величине пресноводное озеро в мире, резко обмелело, и в результате климатических изменений здоровью местных жителей был нанесен огромный ущерб. К счастью или к сожалению, нынешняя Центральная Азия очень непохожа на саму себя образца середины XVIII века. Книга, которую вы держите в руках, — попытка выстроить последовательное повествование, описывающее эту трансформацию. Центральная Азия вовсе не экзотическое место, неподвластное времени. Напротив, в значительной степени этот регион — продукт истории, которую он разделяет со всеми другими обществами, пережившими колониализм, борьбу с колониальными империями, модернизацию и развитие за последние пару столетий.

и в остальном мире, — сдвиги, о природе которых до сих пор идут споры, но они точно связаны с индустриализацией, капитализмом, глобализацией, революциями и т. п. — *Здесь и далее прим. ред.*

Есть множество способов определить, что такое Центральная Азия. Этот термин сосуществует с такими понятиями, как «Внутренняя Азия» или «Центральная Евразия», и все они отличаются друг от друга и указывают на разные нюансы. Центральной Азии можно дать широкое определение, согласно которому это вся евразийская степь и соседние регионы и простирается она от Венгрии до Маньчжурии и на юг — до Афганистана и даже до Северного Пакистана и Индии. Именно это определение принято ЮНЕСКО — специализированным учреждением Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. С точки зрения Советского Союза Центральная Азия представляла собой всего четыре его республики: Туркмению, Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Я выбрал нечто среднее и определил Центральную Азию как регион, охватывающий пять постсоветских государств (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан), а также Синьцзян в составе КНР. Такая Центральная Азия включает в себя преимущественно мусульманские общества, которые с конца XVIII века находились под властью династий Романовых и Цин. Эти общества были взаимосвязаны и до того, как были завоеваны, однако завоевание вывело их на своеобразную траекторию — не такую, как у их соседей, избежавших поглощения империями. Конечно, в XX веке и Российская, и Китайская империи претерпели революционные преобразования, которые сильно сказались и на центральноазиатских территориях. События последних двух столетий показали, что у этих стран гораздо больше общего друг с другом, чем с остальными соседями. Непредвиденное историческое обстоятельство, заключающееся в том, что российские завоевания остановились на реке Амударье, объясняет, почему Афганистан в XX веке прошел радикально иной путь. Как раз по этой причине мы о нем говорить не будем. По аналогичным причинам в мое определение Центральной Азии не входят земли татар и башкир, географически связанные со степной зоной Центральной Азии, населенные тюркоязычными мусульманами и имеющие гораздо более длительную связь с Российским государством. И по тем же причинам я исключаю из сферы своего рассмотрения Монголию и Тибет. С точки зрения культуры они сильно отличаются от региона, которому посвящена эта книга, да и у их политической истории мало общего с его современной историей.

Даже со всеми этими оговорками та Центральная Азия, которую я исследую, неоднородна. Это пограничная зона между кочевыми и земледельческими обществами, а сами народы региона принимают такое разделение за аксиому. Долины рек Мавераннахра и оазисы Алтышара могут похвастаться одними из древнейших городов мира. На значительной части территории степи до 1930-х годов проживали кочевые народы. На протяжении всей истории они взаимодействовали с оседлыми, однако в современный период их пути разошлись, поскольку имперские державы относились к ним по-разному и проводили в них разную политику. Обе империи также привнесли в историю этих народов что-то свое. В «русском» и «китайском» регионах Центральной Азии действовали одновременно схожие и различные режимы власти. КНР построила многие стратегии управления Синьцзяном на советских прецедентах в российской Центральной Азии, однако направила их в иное русло. Эта книга представляет собой попытку написать единую историю современной Центральной Азии. Из-за различий политических режимов в «русской» и «китайской» зонах главы этой книги будут посвящены то одной, то другой половине Центральной Азии. Однако я еще и сравниваю советскую и китайскую политику управления национальными противоречиями, экономического развития и социальных преобразований, поскольку все это сказалось на жизни в Центральной Азии.

В этой книге утверждается, что имперские завоевания в Центральной Азии ознаменовали новую эпоху в ее истории. Эти завоевания привели к разрыву с прошлым, постепенно терявшим свою важность для понимания нового исторического периода. В истории человечества империи были наиболее распространенной формой политической организации, а история Центральной Азии знает множество империй. Однако завоевания XVIII и XIX веков отличались от прочих. Центральная Азия оказалась под контролем крупных держав, центры которых располагались за пределами региона. Они окончательно включили в сферу своего контроля степь — процесс этот начался уже в XVII веке — и фундаментальным образом изменили отношения между жителями региона и его соседями. Российские и китайские власти по-разному вводили новые режимы управления в Центральной Азии. Имперское правление принесло с собой новые организационные структуры, тарифные режимы, способы

взаимодействия с миром в целом и в конечном счете навязало людям новую картину мира. Прошлое никуда не делось, однако порядок вещей существенно изменился. Жители Центральной Азии стали по-другому относиться к остальному миру. В XX веке в обеих империях произошел переворот, их сменили режимы общественной мобилизации, направленные на модернизацию и развитие*. Центральная Азия тоже оказалась вовлечена в эти процессы. Ее современная история может многое рассказать нам о современности, колониализме, секуляризации, коммунизме и развитии — ключевых явлениях, сформировавших мир, в котором мы живем. В этой книге мы исходим из предположения, что современная история данного региона заслуживает понимания сама по себе; книга представляет собой первую попытку достичь такого рода понимания.

За период, прошедший после имперских завоеваний, здесь возникли новые представления о человеке и обществе, а также новые формы идентификации. Обозначения наций, с которыми отождествляют себя современные жители Центральной Азии, — казахи, киргизы, таджики, туркмены, уйгуры и узбеки — возникли в XX веке, вытеснив другие формы общности. Сами эти обозначения существуют уже давно, но в эпоху современности они обзавелись новыми смыслами. К примеру, узбеки XVI века отличаются от узбеков века XXI, а термин «туркмен» подразумевает сегодня уже совсем не то же самое, что в XVIII столетии. Сдвиги в значениях этих терминов и появление новых способов самоидентификации — одна из основных тем этой книги.

В этой книге мы рассмотрим преимущественно две имперские системы — Россию и Китай. Они создали контекст, в котором население Центральной Азии живет последние два с половиной столетия, однако их взаимоотношения никогда не были ни стабильными, ни симметричными. Обе эти системы претерпели серьезные изменения.

* Development (англ.) — понятие, важное для социальных наук с середины XX века. Оно подразумевает возможность правительств стран, прежде всего за пределами Запада, активно влиять на социальные и экономические процессы, чтобы двигать страну вперед, в сторону бесспорного прогресса (под которым обычно имеется в виду всеобщая грамотность, победа над голодом и болезнями, развитое сельское хозяйство, индустриализация). Отсюда противопоставление «развитых» и «развивающихся» стран.

Я рассматриваю значительные преобразования в обоих государствах (крах империи, революция, Гражданская война и перестройка) как по отдельности, так и в их взаимосвязи. В середине XVIII века Китайская империя была гораздо богаче и могущественнее. В XIX веке, когда у России появилось военное преимущество и она смогла добиться экстерриториальных прав в самом Китае, ситуация изменилась. Китай тогда находился под угрозой как внутреннего распада, так и внешнего расчленения под давлением других государств. На протяжении почти всего XX века Китай принимал помощь и поддержку от Советского Союза. Сегодня Китай — мировая держава, которая как никогда жестко контролирует свои владения в Центральной Азии, тогда как господство России над регионом осталось в прошлом. Имперская история отбрасывает длинную тень на наши исследования и представления о Центральной Азии. В материковых империях не было формального разделения между метрополией и колонией, как в морских империях, где в силу разделенности центра и завоеванных территорий отношения между ними оставались более размытыми. Материковые империи легче рассматривать как более однородные, нежели империи морские. В XX веке в рамках риторики, нацеленной на затушевывание имперских корней Советского Союза, заявлялось, что многочисленные нерусские территории вошли в состав СССР добровольно и что союз основан на искренней «дружбе народов». Однако, как мы увидим далее, владения России в Центральной Азии были вполне сопоставимы с колониальными владениями европейских морских империй. После распада Советского Союза жители Центральной Азии стали в той или иной степени подвергать сомнению нарратив, связанный с «дружбой народов», однако российская общественность оказалась менее восприимчива к этим изменениям. Сегодня в России царскую империю вспоминают с ностальгией и гордостью, однако ничего и слышать не желают о колониях и завоеваниях*. Таким образом, представления советской эпохи сформировали в России постсоветскую амнезию относительно сути российского империализма.

Китай — совсем другое дело. Начиная с поздней эпохи Цин все китайские правительства, независимо от идеологической направленности,

* Здесь автор несколько сгущает краски. Дискуссии о природе власти Российской империи, особенностях вхождения центральноазиатских регионов в ее состав, а также об отличиях России от других империй того времени активно шли на протяжении всего постсоветского периода.

утверждали, что Китай — это не империя, а неделимое национальное государство с нерушимыми границами. Цинский Китай как государство потерпел крах в 1912 году и превратился в республику, которая еще сильнее продвигала представления о единстве Китая. Сегодня КНР утверждает, что Китай в его нынешних границах — апофеоз китайского национального государства, которое на протяжении всей истории существует как единая нация. Это означает, согласно официальному заявлению Государственного совета республики, что Синьцзян «со времен династии Хань (206 г. до н. э. — 24 г. н. э.)... является неотъемлемой частью единого многонационального китайского государства»¹. По этой логике Синьцзян вообще не является частью Центральной Азии, а входит в так называемый Западный край (*Сиуй*) трансисторического китайского национального государства. Этот бескомпромиссный и телеологический взгляд на Китай и его отношения с Синьцзяном лежит в основе конфликта в Синьцзяне, в момент написания этой книги перешедшего в критическую стадию: миллионы уйгуров арестовывают во внесудебном порядке за недостаточную лояльность к китайцам. В этой книге мы взглянем на Китай с точки зрения жителей Центральной Азии, что позволит нам по-другому его понять. Тот Китай, к которому апеллирует китайское правительство, — представление о государстве в духе XX века, превращающее сложную историю многочисленных династий, многие из которых произошли от народов Внутренней Азии, в цельный нарратив о якобы всегда существовавшей и вечно единой стране под названием Китай. Эта телеология плохо согласуется с историческими данными, в которых предостаточно разрывов и нестыковок. Пожалуй, Китай можно было бы приравнять не к цельному государству, а к политической или культурной традиции, однако даже в этом случае непрерывность его истории вызывает сомнения. Каждая новая династия приветствовала перемены и подчеркивала, чем отличается от предыдущих, так что ни о какой преемственности речи не шло. Эта традиция была чужда жителям территорий за пределами центральных равнин материкового Китая (*нейди*). Еще важнее для наших целей то, что разные династические государства сильно различались по территориальной протяженности, и лишь немногие из них контролировали всю территорию материкового Китая, не говоря уже о всей территории современной КНР. Династия Тан (618–907 гг.) распространила свое правление на территорию нынешнего Синьцзяна. После распада империи Тан власть ни одной династии материкового Китая не распространялась на Центральную Азию — до завоеваний Цинов в 1750-х годах.

Положение Синьцзяна в империи Цин отмечено в самом его названии, которое означает «новый доминион». Свои нынешние границы Китай обрел в XVIII веке после завоеваний маньчжурской династии. Именно с этих событий я начинаю свою книгу.

За последние два с половиной столетия на историю Центральной Азии влияли преобразования, происходившие в других странах (имперские завоевания, российская и китайская революции и неолиберальная революция). Эта книга о том, как жители Центральной Азии переживали эти трансформации. Я исследую их роль как внутри, так и за пределами государственных институций, которые ими управляли. Люди действуют в предложенных обстоятельствах, но действуют они все равно по-своему. И их поведение бывает разным. Разным группам жителей Центральной Азии были свойственны разные представления о том, что нужно делать и как должно быть устроено общество. За период, который освещается в моей книге, произошло несколько фундаментальных преобразований (имперские завоевания, революции, строительство социализма и его крах), и в ходе каждого из них на власть претендовали разные группы общества. В центральноазиатских обществах конкурировали разные точки зрения, и вот эту идею я хочу донести до читателя со всей возможной ясностью. В этой книге мы увидим, что жители Центральной Азии часто оказываются не согласны друг с другом в той же мере, в какой не согласны с русскими или китайцами.

Центральная Азия простирается от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке и от гор Копетдаг на юге до бескрайних степей на севере. Это обширная территория размером примерно с территорию Соединенных Штатов к западу от Миссисипи, которой свойственно большое географическое и экологическое разнообразие. Однако самая важная географическая особенность этого региона — значительная удаленность от водоемов, сообщающихся с Мировым океаном. Континентальный полюс — наиболее удаленная от открытой акватории точка на планете — находится на 46°17' северной широты, 86°40' восточной долготы, недалеко от границы между Синьцзяном и Казахстаном, в 2645 км от ближайшей береговой линии². Климат здесь континентальный, с резкими перепадами температуры, а воды, как правило, не хватает. По этой причине значительная часть региона представляет собой

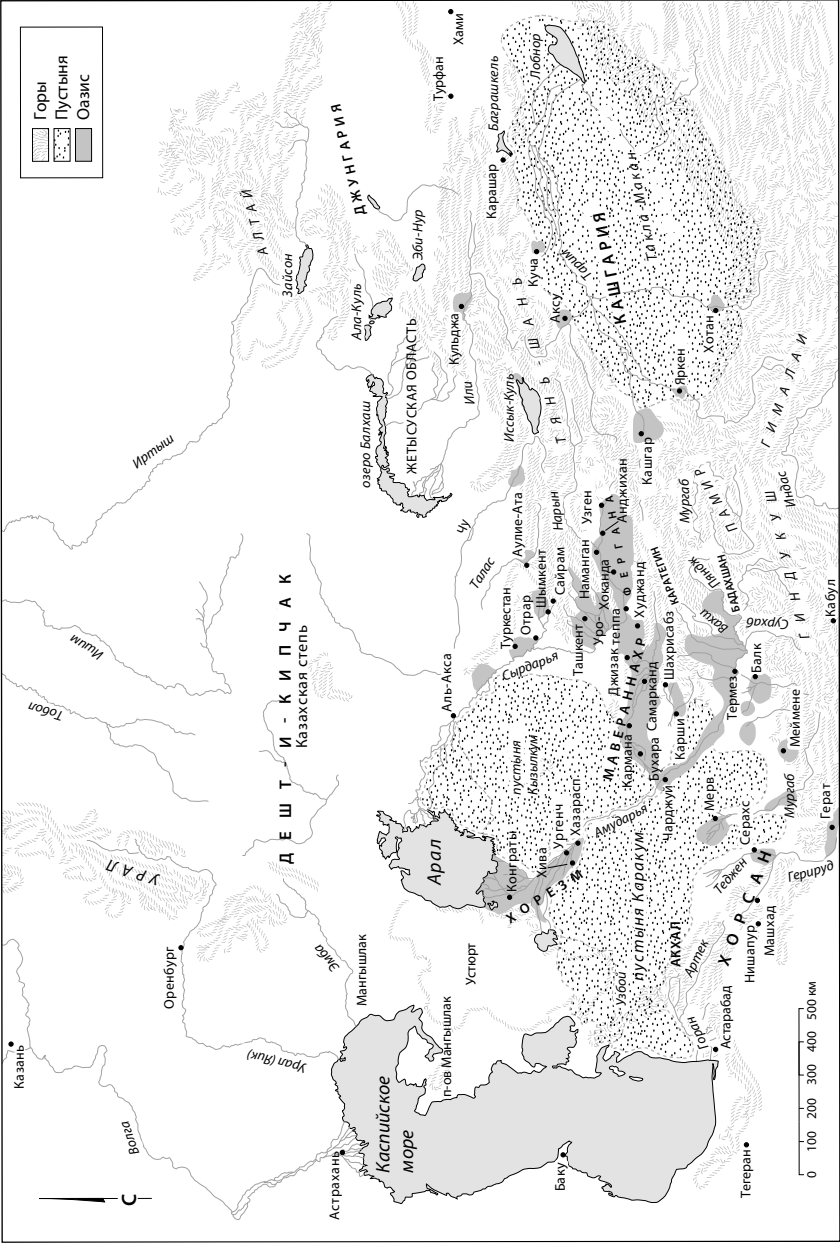
Таблица 0.1. Современная Центральная Азия

Государство или регион	Столица	Площадь, км ²	Население, млн человек
Казахстан	Астана	2 724 900	18 320
Киргизия	Бишкек	199 951	6304
Таджикистан	Душанбе	143 100	9101
Туркменистан	Ашхабад	491 210	5851
Узбекистан	Ташкент	448 978	32 476
Синьцзян	Урумчи	1 664 897	24 870
Всего		5 673 036	96 922

Источник: данные о численности населения пяти суверенных государств, по оценке Организации Объединенных Наций, в середине 2018 года (United Nations, *United Nations Demographic Yearbook 2018* [New York: United Nations, 2019], 693); данные по Синьцзяну на конец 2018 года (*China Statistical Yearbook 2019* [Beijing: China Statistics Press, 2019], table 2–6)

пастбища или пустыни, а сельское хозяйство и городская жизнь часто зависят от ирригационных возможностей. В регионе есть несколько внутренних дренажных бассейнов, то есть районов, где реки впадают во внутренние моря или озера, а не в океаны. (Единственное исключение — северные регионы Казахстана, где протекает река Иртыш, приток Оби, впадающей в Северный Ледовитый океан.) В Центральной Азии располагаются одни из самых высоких гор в мире, однако остальная территория представляет собой холмы и равнины. В горах тает снег, образуя реки, бегущие на запад к Аральскому морю. Долины этих рек пригодны для орошаемого земледелия. Как мы уже отмечали, именно там располагались одни из древнейших городов мира. Засушливый климат привел к образованию обширных пустынь, а на севере — пастбищ. В Центральной Азии есть и районы с высокой плотностью населения, и обширные участки малонаселенных или непригодных для жизни земель. Население региона, насчитывающее более 90 миллионов человек, распределено неравномерно (см. таблицу 0.1 и карту 0.2).

Прежде чем приступить к изложению нашей истории, предлагаем краткий экскурс в географию региона, чтобы ознакомиться с рельефом местности и основной терминологией, которой мы будем пользоваться

Карта 0.2. Центральная Азия: особенности физической географии и исторические географические названия

на протяжении всей книги. Представим, что мы летим на запад от портового города, ныне известного как Туркменбаши, на восточном берегу Каспийского моря (до 1990-х годов он назывался Красноводском или Кызыл-Су). Под нами простирается огромная пустыня под названием Каракумы (или Каракум, что значит «Черные пески»). На юге, с востока на запад, тянется горный хребет Копетдаг, за которым начинается Иранское нагорье. Вот мы приближаемся к берегам Амударьи (греки называли ее Оксус, а арабы — Джейхун). Мы пролетаем над рекой и оказываемся в Трансоксании (земле за Оксусом), которую арабы называли Мавераннахр («Заречье»). Этот термин использовался во всех исламских языках для обозначения региона между Амударьей и Сырдарьей. Значительная часть Мавераннахра представляет собой пустыню под названием Кызылкум (или Кизил-Кум — «Красные пески»), а земли по берегам двух больших рек и впадающих в них рек поменьше (Зеравшана, или «Золотоносной», Вахша, Пянджа и Сурхандарьи) используются для земледелия и строительства городов. Самарканд и Бухара находятся прямо в центре Мавераннахра. Ниже по течению, где Амударья впадает в Аральское море, находится Хорезм, еще один древний город, много веков служивший крупным торговым и политическим центром. Если подняться вверх по реке, мы окажемся над плодородной Ферганской долиной, в самой густонаселенной части Центральной Азии на сегодняшний день.

Мы летим дальше на восток — и в какой-то момент обнаруживаем самую большую горную систему в мире. На юго-востоке лежит Памирский горный узел, так называемая «крыша мира», где сходятся несколько горных цепей. С юго-запада тянется цепь вулканов, где находится кратер Дарваза, на восток уходят горы Каракорум и Гималаи, а хребет Тянь-Шань (по-китайски «Небесные горы») простирается на север. Это труднодоступная местность, отделяющая Центральную Азию от Южной. Кроме того, Тянь-Шань делит Центральную Азию в продольном направлении на западную и восточную половины. Теперь давайте посмотрим, что видно на западе. К северо-востоку от Памира лежит Ферганская долина, с трех сторон окруженная горами. Западные предгорья Тянь-Шаня — изобильная земля, орошаемая потоками Сырдарьи, которые и дали этому району его название: Жети-Суу на киргизском, Жетісу на казахском, что на русский переводится как Семиречье. К северу от Сырдарьи мы обнаружим собственно степь, обширную, в основном равнинную местность с пастбищами и пустынями,

которая тянется на север до самой сибирской тайги. В средневековых исламских источниках она упоминается под именем Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь), в честь тюркских кочевников, обитавших здесь в то время. Говоря о современном периоде истории, имеет смысл называть ее Казахской степью, так как с начала этого периода ее населяют казахи. Большая часть степи представляет собой плато, центральная часть которого известна под названием Бетпак-Дала (Северная Голодная степь) — указание на то, что людям, которые пытались здесь поселиться, приходилось нелегко. К востоку от Семиречья мы обнаружим Джунгарскую впадину, названную в честь кочевого народа, населявшего ее до XVIII века. (Джунгары играют важную роль в начале той части истории, которую охватывает эта книга.) Они относились к монголам и так и не приняли ислам. В степных пастбищах Джунгарии располагается континентальный полюс недоступности. Его южную границу образует хребет Тянь-Шань, к югу от которого находится еще один крупный водосборный бассейн — река Тарим. Тарим берет начало в горах Каракорума и раньше впадал в озеро Лобнор. Большая часть его бассейна представляет собой еще одну пустыню — Такла-Макан. Она усеяна плодородными оазисами, где в древности возникали города. Бассейн Тарима еще называют Алтышаром (Шестиградием, с отсылкой к городам-оазисам), а также Восточным Туркестаном. На юге от Тибетского плато его отделяют горы Куньлунь. К востоку лежит Турфанская впадина, разлом, в котором поместились оазисы Турфан и Хами (Кумул). Это одна из самых глубоких впадин в мире, расположенная на 155 м ниже уровня моря. Здесь очень жаркий и засушливый климат, однако благодаря подземным водам здесь возможно орошаемое земледелие. Мы оказались на другом конце Центральной Азии, поскольку на востоке бассейн Турфана соединяется с коридором Хэси, или Ганьсу, цепочкой оазисов вдоль узкой тропы между горами Куньлунь на юге и пустыней Гоби на севере, спускающейся к долине реки Хуанхэ (Желтой реки) в Китай. В центральноазиатских источниках земли за пределами региона называются по-разному: Хитай — область к северу от реки Хуанхэ, некогда земли киданей; Чин — регион, расположенный к югу от реки; Мачин — территория южнее реки Янцзы. Жители Турфанского бассейна на восточном краю Центральной Азии долгое время поддерживали торговые отношения с Китаем. Для прочей части мусульманской Центральной Азии Китай оставался далеким и культурно чуждым регионом.

Как отмечалось выше, горы Тянь-Шаня делят Центральную Азию надвое, хотя это разделение никогда не мешало путешествиям и другим видам взаимодействия, так что оба региона связаны друг с другом — и культурно, и экономически. Однако порой они выступали на разных геополитических аренах. Центральную Азию часто называли Туркестаном, «землей тюрков», а две ее половины — Западным и Восточным Туркестаном. В XIX веке, после имперских завоеваний, о них стали упоминать как о Русском и Китайском Туркестане. Конечно, это всего лишь географические термины, а не названия политических образований, однако в них отражается общность двух регионов. Помимо разделения на восток и запад, а также на китайские и российские территории, нам необходимо различать северные степные земли и южные районы с оазисами и орошаемым земледелием. Разделение это очень приблизительное, но тем не менее полезно иметь в виду, что большая часть оседлых земледельческих обществ Центральной Азии существовала в Хорезме, Мавераннахре, Фергане и оазисах Алтышара, а остальную часть региона — особенно степную зону к северу от Мавераннахра — до 1930-х годов в основном населяли кочевники.

Такой краткий экскурс ставит перед нами еще один вопрос, с которым сталкиваются все интересующиеся Центральной Азией. Топонимы Центральной Азии неоднократно менялись, и часто у них больше одного варианта, а также несколько способов написания. То же относится и к именам собственным. Написание зависит от того, транслитерируем мы название или имя с русского, китайского или одного из языков Центральной Азии. Транслитерация имен на русский язык приводит к неточному произношению, потому что придыхательный [h] (которого в русском нет) превращается в русский [x]; звук, в латинском алфавите передающийся одной буквой j, превращается в сложнопроизносимое скопление согласных [дж], а гласные всячески искажаются. Китайские варианты центральноазиатских имен и названий, основанные на слоговой транскрипции, зачастую совершенно неузнаваемы: Ахмад превращается в Аймайти, а Ибрагим — в Йибулайина. В этой книге названия мест и имена людей приведены в максимальном соответствии с языками Центральной Азии и с центральноазиатскими конвенциями (например, Худжанд, Урумчи), а также согласно устоявшимся вариантам написания (например, Кашгар, Фергана). Иногда я привожу два варианта названия того или иного места, если оба по-прежнему в ходу. В именах людей за период до 1920-х годов, когда в разных центральноазиатских

языках установились особые нормы орфографии, используется более общий принцип транслитерации. Имена периода после 1920-х годов я транслитерирую в соответствии с языком, с которым в наибольшей степени ассоциируется тот или иной человек, признавая при этом, что полное соответствие невозможно и не нужно.

И отдельное замечание о термине «Туркестан» и его вариантах. Туркестан (в буквальном переводе «земля тюрков») в Центральной Азии и за ее пределами использовался как общее название территории к северу от Амударьи, которую в основном населяли тюркоязычные народы. Этот термин был уже достаточно распространен, когда русские стали называть им свою новую провинцию, основанную в 1865 году. С 1865 по 1924 год Туркестаном называли конкретное административное образование, однако более древний, более общий смысл этого названия никуда не делся. В XIX и начале XX века как местные жители, так и европейцы делили Центральную Азию на Западный, или Русский, и Восточный, или Китайский, Туркестан, граница между которыми условно проходила вдоль Тянь-Шаня. В начале XX века тюркоязычные мусульмане империи Цин стали называть свой регион Восточным Туркестаном. И этот факт не нуждался бы в комментариях, если бы КНР не настаивала на том, что Восточный Туркестан — это термин, который изобрели иностранные империалисты, чтобы разрушить Китай, а сегодня используют так называемые сепаратисты и экстремисты. Единственное название, одобренное китайским правительством, — Синьцзян. Несмотря на то что в этом термине отражается история имперского завоевания, его нельзя переводить на уйгурский язык. Уйгурское название региона — Синдзян — лишь транслитерация китайского топонима. Сегодня большинство уйгуров пользуются этим названием исключительно по принуждению. В этой книге я упоминаю топоним Синьцзян только для обозначения административного образования с таким названием. Когда я говорю о регионе в других контекстах, я называю его Восточным Туркестаном или Алтышаром и обычно следую терминам, приведенным в источниках.

ГЛАВА 1

МНОГООБРАЗИЕ ТРАДИЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Современный облик Центральной Азии сформировался в ходе долгой истории взаимодействия степных народов и окружающих их земледельческих обществ Евразии (Китая, Индии, Ирана и Европы). По экологическим причинам в степи — обширной зоне пастбищ и пустынь, простирающейся от Венгрии до Кореи, — не может быть плотного населения. Еще на заре человеческого общества стало понятно, что лучшая стратегия выживания в степи — заниматься скотоводством и кочевать с места на место, и именно животные (верблюды, овцы, крупный рогатый скот и лошади) обеспечивали саму возможность существования здесь людей. Группы кочевников предъявляли права на отдельные участки пастбищ и перемещались по определенным маршрутам между летними и зимними выпасами. На протяжении столетий степные кочевники взаимодействовали с соседними оседлыми обществами посредством набегов, торговли и завоеваний. Благодаря приручению лошади кочевники научились быстро передвигаться и получили преимущество в бою на полтора тысячелетия. За этот период они построили в степи несколько империй, которые диктовали оседлым соседям свои условия, а порой и вовсе их завоевывали. Кочевники постоянно присутствовали на границах земледельческих цивилизаций на окраинах Евразии, и общества эти, по сути, были не в состоянии контролировать обширные степи. Империи считали кочевников варварами и проблемой, требовавшей решения. Один из примеров такого отношения — Великая Китайская стена, построенная для того, чтобы варвары оставались снаружи,

на севере (а китайские крестьяне — внутри). Кроме того, стена служит метафорой взаимоотношений между двумя мирами, поскольку ей так и не удалось их разделить. Они оба все равно проникали друг в друга, сплетаясь в постоянном симбиозе. Великая стена располагалась в пограничной зоне, служившей постоянной ареной для взаимодействия. Многие китайские государства основали «варвары» с севера и северо-запада, хоть об их происхождении в исторических повествованиях часто умалчивали. Мы подхватим нить истории с середины XVIII века, когда геополитические отношения между народами степи и их соседями начали меняться, а империи оседлых народов стали теснить кочевников, а затем и отвоевывать степь.

На протяжении полутора тысяч лет степные народы процветали. Кочевники, начиная с хунну, создали ряд империй, которые выбивали права на торговлю или дань у своих соседей, а иногда и завоевывали их. Такого рода империи объединяет несколько общих черт. Их все построили великие лидеры, утверждавшие, что наделены божественной властью и потому способны сплотить несколько разных племен (политических единиц, якобы скрепленных общим происхождением) в жизнеспособный союз. Первой крупной империей степных народов стала держава племени хунну, название которого мы знаем лишь по китайским источникам. Эта империя просуществовала более 200 лет (III в. до н.э. — I в. н.э.), в ней были крупные городские поселения и разветвленная система управления. На западе степного региона примерно в одно и то же время возникли империи скифов и сарматов. В VI и VII веках на территории нынешней Монголии группа кочевников, которых называли тюрками, основала еще одну империю. Ее центр располагался в долине реки Орхон, где сохранились рунические надписи — древнейшие письменные памятники всей тюркской группы языков. В VIII веке еще один союз тюркских племен образовал Уйгурский каганат. (В XX веке уйгурами станут называть тюрко-мусульманское население Синьцзяна.)

В долинах рек и оазисах, где было достаточно воды, зарождались земледельческие общины и государства оседлых народов. Частью этого земледельческого мира был Мавераннахр и оазисы Таримского бассейна. Так называемый Бактрийско-Маргианский археологический комплекс

относится к 2200–1700 годам до нашей эры, эпохе, когда процветали цивилизации Египта, Анатолии и долины Инда. В 539–330 годах до нашей эры держава Ахеменидов, расположенная на Иранском нагорье, расширилась до Мавераннахра (в те времена этот регион еще назывался Согдиана или Согд). Александр Македонский разгромил Ахеменидов, и Согдиана стала восточной окраиной его империи. Считается, что он основал город Худжанд, который назвал Александрия Эсхата («Александрия Дальняя»). В III веке до нашей эры в Согдиане располагалось независимое Греко-Бактрийское царство, которое затем пало под натиском кочевых групп с востока, через некоторое время основавших Кушанскую империю, что простиралась на юг до самой Индии. В Согдиане родился Заратустра, и у зороастризма в Центральной Азии долгая история. Кушаны приняли буддизм, и именно через них он попал в Китай. К I веку нашей эры длинные торговые пути связывали эти империи с Китаем, Индией и Ираном.

Эти торговые отношения легли в основу широко распространенных сегодня представлений о Великом шелковом пути. В 1877 году этот термин ввел немецкий географ Фердинанд фон Рихтгофен, назвавший так маршруты, по которым китайский шелк экспортировали из империи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в Центральную Азию. Однако с тех пор термин приобрел более широкое толкование и стал обозначать все торговые отношения, которые будто бы связывали Китай с Западом на протяжении нескольких столетий, пока в эпоху Великих географических открытий их не сменила морская торговля. Считается, что такая торговля служила основой экономики Центральной Азии и залогом жизнеспособности ее цивилизации. В этом утверждении немало спорных моментов. Самая прибыльная торговля велась в направлении с севера на юг, а не с востока на запад, да и этот Запад (то есть Европа) в то время не был значимым торговым партнером. С одного конца пути на другой перемещалось довольно мало товаров и еще меньше людей. Что еще более важно, концепция Великого шелкового пути превращает Центральную Азию из самостоятельного явления в придорожную обочину. Эта концепция представляет гораздо большую ценность как метафора межкультурных связей, чем как описание конкретного исторического явления¹. В этой книге мы будем прибегать к ней лишь изредка.

Степные кочевники говорили на множестве языков, относящихся к алтайской языковой семье, куда входят монгольский, тунгусский и множество тюркских наречий. Большая часть оседлого населения

говорила на различных индоиранских языках — тех же, которые распространены у народов нынешних Афганистана и Ирана. Мавераннахр всегда был пограничной зоной, где две языковые семьи взаимодействовали наиболее тесно. Здесь проходила граница между Ираном и Тураном, землей кочевников. Иран в этом понимании обширнее современного национального государства с таким названием. Действие *Шахнаме* («Книги царей»), эпической поэмы Абулькасима Фирдоуси (ок. 940–1020), посвященной персидским царям доисламского периода, по большей части разворачивается не в современном Иране, а в Мавераннахре. Центральная Азия неоднородна и по своему религиозному наследию. Кочевники были шаманистами, то есть верили в способность определенных людей перемещаться между материальным и духовным мирами для того, чтобы заручиться поддержкой разных духов в военном деле, либо для того, чтобы исцелить кого-то или обеспечить благополучие своего народа. Среди оседлого населения преобладали зороастризм и буддизм. В VIII веке уйгуры приняли манихейство, а в первом тысячелетии нашей эры в городах-оазисах региона процветало несторианство. Религиозные традиции Центральной Азии были поистине многообразны.

В начале VIII века Мавераннахр завоевали арабские армии Омейядского халифата. Ислам возник в городах-оазисах Аравии в начале VII века, и его приверженцы, тоже кочевники-скотоводы, осуществили сразу несколько поразительных завоеваний, в ходе которых в Иране пала империя Сасанидов, византийцы отступили до Анатолии и образовалось арабское государство, к началу VIII века простиравшееся от Испании до Мавераннахра. В 671 году арабы завоевали Мерв, в 709 году — Бухару и присоединили Мавераннахр к своей империи. Арабские завоевания оказались сопоставимы с величайшими на тот момент китайскими экспансиями. Династия Тан контролировала большую часть территории нынешнего Синьцзяна. В 751 году в битве при Таласе (на территории нынешней Киргизии) две армии столкнулись лицом к лицу, силы империи Тан были разгромлены, и экспансия династии на запад захлебнулась. В 750 году династию Омейядов свергли Аббасиды, которых в основном поддерживали повстанцы в Иране и Мавераннахре.

Однако обращение в ислам заняло много времени, и лишь через несколько поколений большая часть оседлого населения, говорящего

на персидском языке, приняла новую религию. Тем не менее к IX веку Мавераннахр уже был полностью мусульманским и стал неотъемлемой частью исламского мира. За следующие два столетия в нем появился ряд светил, сыгравших важнейшую роль в исламской истории. Высказывания (*хадисы*) пророка Мухаммеда вскоре обрели религиозный авторитет, уступающий лишь авторитету Корана, и их сбор и классификация стали главной заботой ученых. Мусульмане-сунниты считают каноническими шесть сборников этих высказываний. Двое из шести составителей, Абу Исмаиль аль-Бухари (810–870) и Абу Иса Мухаммад ат-Тирмизи (825–892), родились в Мавераннахре, как и влиятельные факихи Абу Мансур Мухаммад аль-Матуриди (ум. ок. 944) и Бурхануддин Абуль-Хасан аль-Маргинани (ум. в 1197). Математик Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми (780–850), ставший отцом алгебры (в честь его, с искажением его имени на латыни, назван «алгоритм»), астроном Абу-ль-Аббас Ахмад аль-Фергани (ум. в 870), великий ученый Абу Наср Мухаммед аль-Фараби (ум. ок. 950), которого еще называли «Вторым учителем» (после Аристотеля), философ-рационалист Абу Али ибн Сина (на Западе известный как Авиценна, 980–1037) и географ Абу Рейхан Аль-Бируни (973–1050) — фигуры мирового значения в истории исламской цивилизации в ее так называемый классический период, и все они родились в Центральной Азии. Они стали частью более широких сообществ, объединенных путешествиями и образованием, которые сделали города Мавераннахра центром мусульманского мира. Именно в эту эпоху Бухара и Самарканд завоевали свою репутацию в большом мусульманском мире. Историк XIII века воспринимал Бухару как «купол ислама» на мусульманском Востоке; город виделся «подобным Багдаду» (столице Аббасидского халифата), «его улицы озарял яркий свет выдающихся врачей и факихов, а его окрестности украшали редчайшие и высочайшие достижения»².

Из-за огромной территории халифат всегда был в значительной степени децентрализован, а региональные правители пользовались большой свободой действий. К середине IX века они начали действовать так, как им заблагорассудится, демонстрируя лишь номинальную верность халифату. Как раз в такой среде некий Исмаил Самани, один из местных правителей в Мавераннахре, основал свою собственную династию со столицей в Бухаре. Назначил Исмаила на должность эмира Аббасидский халифат, однако он был во всех отношениях независимым правителем. Династия Саманидов, которую он основал, возглавила движение

по возрождению персидского языка как языка ислама. Все великие ученые, которых мы только что упомянули, писали на арабском (и потому их часто ошибочно принимают за арабов), но ни они, ни их соотечественники никогда не пользовались арабским языком в повседневном общении. После арабских завоеваний персидский, язык Мавераннахра, деградировал до уровня народного разговорного языка. Саманиды обратили эти изменения вспять и сделали персидский языком правительства и культуры. Их двор покровительствовал созданию нового литературного языка, который мы сейчас называем новоперсидским или фарси (хотя ему уже более тысячи лет). Персидский алфавит создан на основе арабского письма, в языке множество арабских заимствований, а по своему образному строю это язык исламский. Первым великим поэтом фарси стал Рудаки (858–941), однако основой для становления персидского как языка высокой исламской культуры послужила книга *Шахнаме*, написанная при дворе Саманидов.

В соседней степи ислам распространялся медленнее. Первые исторические сообщения о массовом обращении тюрок относятся к 960 году, когда, как говорят, 200 000 шатров (домашних хозяйств) приняли ислам. К концу X века тюрки-мусульмане были весьма многочисленны и начали захватывать политическую власть. Тюркские кочевники из династий Газневидов и Караханидов завоевали Мавераннахр и стали продвигаться по всем направлениям, в том числе на юг в Индию; они соперничали с другими мусульманскими династиями в Восточном Иране и на территории нынешнего Афганистана. Другие тюркские группы примыкали к вооруженным силам династий на Ближнем Востоке и стали неотъемлемой частью политического ландшафта в этом регионе. В последующие столетия тюрки основали ряд династий в мусульманском мире. Сельджуки сражались с византийцами и основывали тюркские поселения в Анатолии, где два столетия спустя династия Османов построила государство, ставшее впоследствии могущественной империей. Однако исламизация степи проходила медленно и в XVIII веке еще продолжалась. Мусульманские общества взаимодействовали с немусульманами, жившими вдоль протяженного религиозного фронта, простиравшегося от Тибета до Джунгарии и даже еще дальше. Восточные оазисы Турфан и Кумул в основном были буддийскими еще в 1420 году — когда мусульманский посланник при дворе династии Мин отметил в обоих городах «просторные идолопоклоннические храмы необыкновенной красоты»³.